

Странно, но маленькую чёрную собачку, которую старина Баши отвёз к уездному ветеринару, осмотрели и ничего серьёзного не нашли. Она просто не ела и не пила, и некогда упитанное тельце превратилось в кожу да кости.

Шла она еле-еле, но, когда господин Сунь погладил её, в её глазах словно появился блеск.

— Ладно, видно, ты тоже обладаешь духовностью. Раз уж мы встретились, то прошу тебя потерпеть немного — одолжи мне немного крови чёрной собаки!

Господин Сунь достал из кармана армейский нож, взял собачку на руки и аккуратно сделал небольшой надрез на лапе, намочив жёлтый талисман в крови. Затем он обратился к моей матери:

— Эта собака, можно сказать, благодетель вашей семьи. Дайте ей что-нибудь поесть!

Мать с сожалением ответила:

— Господин, вы не знаете, но эта собака уже несколько дней ничего не ест и не пьёт, даже старина Баши ничего не смог сделать!

Господин Сунь кивнул:

— Не волнуйтесь! Сделайте, как я сказал, иначе ей действительно придётся отправиться на небеса!

Мать не стала спорить. Маленькая чёрная собачка была любимицей в нашем доме, часто кланчила еду. Теперь, когда жизнь стала немного лучше, накормить её не было проблемой.

Вечером специально зарезали курицу для господина Суня, и осталось ещё много мяса. Мать выбрала кусочки с меньшим количеством костей, смешала их с рисом, и собачка вмиг всё съела, словно проголодалась.

Господин Сунь посмотрел на небо — уже приближался полдень. То, что ему нужно, старший брат уже приготовил, но он всё не начинал действовать.

Старший брат держал красный шнурок и ножницы, второй старший брат нёс большого петуха, и все стояли во дворе.

Господин Сунь аккуратно положил жёлтый талисман, смоченный кровью чёрной собаки, в карман, затем зашёл в свою комнату, достал одежду и сказал матери:

— Закройте ворота!

Наша деревня хоть и находилась близко к горам, но активно следовала государственным

указаниям. Суеверия обсуждали только втихомолку, а обряды для умерших проводили быстро, чтобы не привлекать внимания.

Мать поняла, что господин Сунь не хочет, чтобы его видели в даосском одеянии, проводя ритуалы. К счастью, уже была глубокая ночь, и в деревне не было никаких развлечений. Как только стемнело, все легли спать, и никто не выходил из дома.

Мать поспешно закрыла ворота, а господин Сунь попросил её налить таз чистой воды и долго держал в нём руки, затем слегка потёр их.

Вытерев руки, он надел только что принесённую одежду. Это было даосское одеяние, видимо, очень старое — ткань уже выцвела, но было чистым и безупречным.

Господин Сунь надел одежду, взял меч из персикового дерева и принёс выпитое вечером вино.

Луна скрылась за облаками, и, кроме нашего дома, где горела керосиновая лампа, вокруг была тьма. Хотя это было лето, но ночь казалась совсем не летней.

Когда всё было готово, господин Сунь встал посреди нашего двора, поджёг жёлтый талисман и, дождавшись, пока он сгорит, положил пепел в большую чашу с вином. Взяв меч из персикового дерева, он помешивал вино с пеплом и разбрызгивал его на землю.

Если присмотреться, вино на земле постепенно образовывало фигуру багуа. Мать и братья были поражены, так как багуа медленно становилось красным, словно кровь в человеческом теле.

Господин Сунь что-то бормотал, но мать не могла разобрать слов. Через некоторое время поднялся сильный ветер, и господин Сунь поставил петуха в центр багуа, зажав его голову палочками. Багуа на земле вдруг стало тёмно-зелёным. Господин Сунь обернулся и крикнул:

— Возвращайтесь в дом!

Мать не стала задавать вопросов и поспешно увела братьев в дом.

Второй брат, любопытствуя, выглянул через бумажное окно и, увидев происходящее, задрожал всем телом, быстро прикрыл рот рукой и широко раскрыл глаза. Немного оправившись, он резко отвернулся, не смея смотреть дальше!

Во дворе стоял отнюдь не обычный человек, всё выглядело очень загадочно. Второй брат не сдержался и воскликнул:

— Мама, этот господин Сунь действительно удивительный! У нас во дворе появилось множество людей!

Мать сердито ответила:

— Что ты понимаешь, это же божества! Господин Сунь обладает великой силой, и теперь с нашей Сяо Цзинь всё будет в порядке!

— Мама, если с Сяо Цзинь всё хорошо, то, может быть... — тихо пробормотал старший брат.

Мать нахмурилась, вздохнула и покачала головой:

— Это судьба! Люцзы, Ганва, господин Сунь оказал нам большую услугу, особенно Сяо Цзинь. Если дойдёт до того, никто не должен возражать! Возможно, Сяо Цзинь будет лучше с господином Сунем, чем с нами в этой глуши!

Старший и второй брат переглянулись и кивнули.

На самом деле мать не знала, что именно произошло той ночью. Она только слышала, как во дворе раздавались раскаты грома, сотрясая небо.

После той ночи безумие Ван Течжу прошло, а через несколько дней Лю Цюань, который был парализован, снова смог ходить. Врачи в городской больнице не могли объяснить, что произошло, и в конце концов отпустили его.

Деревня успокоилась на несколько дней, и я подумал, что всё закончилось. Но из-за Дун Сян в деревне снова стало беспокойно. На седьмой день после её похорон могилу раскопали, и Лю Цюань весь день ругался. Это задело бы любого. Лю Цюань был несчастным человеком — его дочь и внук умерли, жена тоже ушла из жизни, и он остался один в этом мире, потеряв всякую надежду.

А тут ещё такое случилось, и его сердце было переполнено горечью!

Ван Течжу ничего не сказал. После всего произошедшего он кое-что понял. Смерть Дун Сян была не простой, и в деревне это вызвало большой переполох. Мясник Чжан, который поднимал её тело, долго болел с высокой температурой, а племянник старосты Вэй, Сяо Хэ, так испугался, что сбежал в город и не смел возвращаться домой.

Он сам был не в себе, а тесть оказался парализованным, и их семья больше не походила на семью.

Но в конце концов все были соседями, и никто не решался открыто говорить об этом. Однако Ван Течжу видел нечто странное и всё понимал. Но сейчас он даже не смел обсуждать это с другими. Сидя в углу, он курил одну сигарету за другой, слушая, как Лю Цюань ругается.

После этого староста с несколькими людьми заново отремонтировал могилу Дун Сян. Но через несколько дней, когда Лю Цюань пришёл проверить, могила снова была раскопана.

На этот раз Лю Цюань не ругался. Он ясно увидел маленького хорька, стоящего на могиле Дун Сян. Передними лапками он быстро разрывал землю, издавая писклявые звуки. Увидев Лю Цюаня, он не испугался, а встал на задние лапы, словно собираясь атаковать.

Хорьки в деревне не были редкостью, но то, что этот хорёк копал могилу его дочери, вызвало у Лю Цюаня ярость. Он схватил большой камень и бросил в него, и хорёк убежал.

Лю Цюань подошёл к могиле Дун Сян, слёзы текли по его щекам, но он не успел заплакать, как из земли внезапно вытянулась бледная рука и схватила его за лодыжку. Лю Цюань вздрогнул.

— Дун Сян, я твой отец! Ты умерла, так успокойся, не твори чудеса! Я знаю, что ты умерла несправедливо, но это судьба! Если бы можно было, я бы сам умер вместо тебя!

Как только он это сказал, рука отпустила его.

Лю Цюань медленно выдохнул, но прежде чем он смог полностью расслабиться, его схватили за обе ноги, и теперь он не мог убежать.

Руки были невероятно сильными, словно хотели сломать ему ноги. Лю Цюань покрылся холодным потом от боли и наконец закричал:

— Помогите, помогите! Дун Сян, я никогда никому не делал зла, почему ты не даёшь мне покоя! Дун Сян, отпусти меня!

Но руки не слушались, а только сжимали сильнее, и длинные ногти, около сантиметра, впились в его кожу.

<http://bllate.org/book/15434/1372245>